

МОНОЛОГ ВИЛИ СВЕЧИНСКОГО ВО ВРЕМЯ ИНТЕРВЬЮ

– Мне при рождении дали имя Виля, что является аббревиатурой бывшего ихнего всего – Владимира Ильича Ленина. Так что, мой путь был задан априори – вперёд, к победе коммунизма. Но ничего из этого не вышло. А вышло всё наоборот.

Я родился, как и все евреи, на Украине, в 1931 году, в год «голодомора», в городе Каменец-Подольском. Папа – Лазарь Львович, как и все евреи того времени, был комсомольским активистом, возглавлял в городе комсомольскую организацию.

Когда мне исполнилось два года, родители перебрались в Москву. Семья была абсолютно ассимилированной. Идиш мама с папой понимали, но не говорили на нём.

Скоро папа поступил – тогда это было модно – в Институт Востоковедения на китайское отделение: а как же, надо было срочно делать революцию в Китае! Как мог обойтись Китай без революции и творящих её евреев?

Мама была пианисткой, играла в городском оркестре. Потом она выучилась расписывать ткань, и я помогал ей. Может быть поэтому у меня появился интерес к рисунку, графике, и мне пришлось стать архитектором.

А в 1940 году папу вызвали и направили в школу КГБ. Папа был действительно человеком, преданным Советской власти. Евреи стали полноправными – как было не полюбить Советскую власть?..

Началась война. Отец пошёл на фронт добровольно. Из Москвы я был эвакуирован один, без мамы в Горьковскую область. Мама эвакуировалась лишь с началом бомбёжек.

Так, в десятилетнем возрасте я оказался в деревне Ардабьево Горьковской области. Нас гоняли на работу – почти целыми днями в поле... Но через полгода ко мне приехала мама с грудным ребёнком, моим младшим братом Гариком. Мы перебрались в городок Янгиюль, где жил мой дед, отец мамы. В Янгиюле в это время был распространён слух, что как только немцы возьмут Москву, начнутся еврейские погромы. Там жили ссыльные поселенцы, пострадавшие от советской власти, и ненависть к евреям, как апологетам этой власти, была яркой и выражалась открыто и безбоязненно. Дед раздобыл острый колун и положил его на свою с бабушкой лежанкой под подушку, под свою правую руку. Но Москву немцы не взяли, и погром был отложен для лучших времён...

Вернулись в Москву в 1943 году. Пошёл в знаменитую 103-ю школу, бывшую гимназию. Многие наши школьные учителя были учителями в этой гимназии, и мы получили хорошее образование. Я любил свою школу и по сей день благодарен ей... Сдружился с евреями – Ромой Брахтманом и Мишей Маргулисом.

Рома поступил в институт Востоковедения, Миша – на юрфак МГУ. И вот, мы втроём обсуждали начавшиеся антисемитские компании против литературных и музыкальных критиков. Даже Эренбург оказался под ударом... Потом смерть Михоэлса – мы очень скоро поняли, что это была не дорожная катастрофа, а самое настоящее заказное убийство... Собственно, в Москве все это знали.

Мы были раздвоены. Сама власть – замечательная власть, мы – комсомольцы, мы живём в стране, которая флагман всего человечества, а как же? Но что делать с антисемитизмом? Наше политическое сознание было деформировано...

У Ромы был хороший приёмник, и мы почти без помех слушали «вражеские» голоса. Нам убедительно доказывали, что Советская власть бесчеловечна, что она узурпировала всё, что можно, что, на самом деле, это диктатура, обыкновенная диктатура...

А в 1948 году из небытия возникло государство Израиль, и это произвело на нас колоссальное впечатление. И там шла война за выживание. Мы всем сердцем были с Израилем. Мы понимали, что на наших глазах осуществилась мечта двух тысячелетий...

И возникла мысль – бежать туда, присоединиться к своему народу, построить там советскую власть... А как же? Я сегодня думаю, что больших идиотов тогда трудно было найти. Но так было... КГБ быстро нас «нащупал». И ведь это было только на стадии разговоров. Но страшны им были не столько разговоры, сколько мысли. Ты ещё никому ничего не говорил, но органам было уже известно, что ты – скрытый враг...

Итак – бежать в Израиль... Мы всё спланировали. У Ромы были родственники в Батуми, у них был катер, на нём плывём в Турцию и оттуда – в Израиль.

Я в это время познакомился со штурманом по фамилии Шиллер, евреем, старше нас, своим парнем... Это был именно тот парень, который был нам нужен – мы с

абсолютной точностью нарвались на провокатора. Эта сволочь потом был главным свидетелем обвинения.

И скоро я понял, что и мой папа что-то подозревает. Потом я узнал, что он был поставлен в известность о наших планах. Ему доверяли...

И всё-таки было решено ехать в Батуми. Но без меня. Отец явно был настороже. Перед отъездом оба моих друга торжественно вручили мне толстые письма к своим родителям, в которых объясняли мотивы своего поступка и прощались с ними... Я должен был вручить эти письма в случае успеха их побега.

Сейчас с ужасом вспоминаю – какой же кошмар мы вытворили!

Они вернулись через полтора месяца. Оказалось, что на рейде Батуми появились боевые корабли Черноморского флота, включая десантные. Готовились к летним манёврам. Да и слезку за собой заметили. Куда уж тут бежать...

А меня в их отсутствие вдруг вызвали в отдел кадров института. Двое в штатском. Отрекомендовались представителями военкомата. Едва мы вышли из кабинета, сообщили мне, что они из КГБ и немедленно стали агитировать меня стать «стукачом», иначе...

Я немедленно всё рассказал папе. Бедный мой папа... И он мне сказал: «Нет, нет, только не стукач. Никогда, сын мой. Ни в коем случае. Никогда». Папа благословил меня...

Через пару дней прямо из дома меня отвезли на Лубянку. В кабинете были двое.

– Где Брахтман с Маргулисом?!

Это был тяжёлый вопрос. Мне было только 19 лет. Я понимал, что позорю отца. Разрушаю семью. У меня всё раскалывалось внутри. Я вышел от них, ничего не рассказав. Ни слова. Я был как выжатый лимон. Еле добрался до дома.

Мало того, после возвращения из Батуми, Ромка и Мишка «приобрели» друга, конечно, еврея, конечно же провокатора...

И вскоре меня арестовали. 1950-й год. Я был на третьем курсе Архитектурного института. И вот, я оказался на Лубянке, в 42-й камере, на третьем этаже. Я эту камеру на всю жизнь запомнил...

Арест был моей трагедией. С одной стороны, я был признан «врагом народа», с другой стороны я-то знал, что я – советский человек, и мне трудно было это переносить. Нас не устраивало, с одной стороны, положение евреев в СССР, с другой стороны – Маркс, Ленин, Сталин, победа в Великой отечественной войне...

Следствие психологически было очень тяжёлым. Мне непрерывно обещали, что если я расскажу правду, то сохранят свободу отцу, матери, даже мне... Но я ничего не рассказал. Потом мне показали протоколы допросов Миши и Ромы – они кое-что признались: да, хотели, говорили, были мысли и так далее, не более того. Я же категорически отрицал всё.

Нас судили по букету статей за измену Родине. Каждого из нас осудили на десять лет. По сути, никакого суда и не было. Весной 1951 года меня вызвали, посади в бокс. Вошёл капитан с кипой папок, вытащил моё дело и сообщил: «Виталий Лазаревич, я вам объявляю, что ваше дело было рассмотрено Особым совещанием при Министре Госбезопасности, и вы осуждаетесь на 10 лет лагерей строго режима». И точка.

Это были особые лагеря. Их ввели в действие в 1950 году. Их было восемь. Уголовников в этих лагерях не было. Только политические, бывшие полицейские и прочие...

Ромке выпал Норильск, Мишке – Мордовия, мне – Магадан...

Первое время в лагере было очень тяжело. Я становился «доходягой» на настоящей каторжной работе. Самое страшное – сушка мокрого песка для штукатуров. На бетонных опорах, высотой со стул, лежит толстый, шесть на шесть метров, железный лист. Под ним, почти по всей его площади разжигают костёр и непрерывно поддерживают огонь. Старик инвалид подбрасывал туда дрова. Я должен был загрузить этот лист по всей его площади сырым песком и обязательно хорошо размешивать его. А как иначе быстро высушить этот песок? И ты не можешь размешивать песок со стороны, ты не можешь близко подойти к нему, потому что огонь вырывается из-под листа, охватывает тебя, сжигает. Значит, ты должен перепрыгнуть огонь, встать на лист и только стоя на нём, размешивать сырой песок. Ты оказываешься на раскалённой плите, как в середине луковки. Надо нагнуть голову, чтобы тебя не опалило, и в таком виде, скрючившись, задышавшись, перелопатить этот песок и успеть спрыгнуть живым с проклятого листа. Как только песок высох, огонь уже не поддерживают, и ты должен сгрузить весь песок на

тачки, и потом всё заново. А штукатурки орут: «Давай песок!» Им срочно нужно смешать песок с цементом, и их много этих штукатуров.

Но мне повезло: я выучился на штукатур, получил третий разряд и стал по лагерной терминологии «аристократом».

Меня здорово избили, когда я только начал работать штукатуром. Было тепло, я до смерти наработался и заснул во время вечернего развода. Заснул и всё... И когда меня нашли и вывели наружу, конвойные, в бешенстве оттого, что потратили на поиски меня время, сапогами стали избивать меня. Если б не бушлат, искалечили бы, а то и убили...

Я ведь о лагерной жизни сутками могу рассказывать... Вот, расскажу о сионисте Фиме Спиваковском. Он получил десять лет лагерей за письмо, отправленное Эренбургу. До того письмо, конечно, и не дошло...

Пришёл однажды Фима в барак после 12-часового рабочего дня. Смертельно усталый. А в это время в барак вошли двое надзирателей в поисках человека, который вымоет им пол на вахте. Увидели они входящего Фиму и заорали: «Эй ты, жид, бери ведро и швабру и пошли за нами!» А Фима им отвечает: «Я не раб. Я – политический заключённый, и не желаю ни видеть вас, ни говорить с вами!» Подскочили они к нему и начали скручивать, тянуть к дверям. А Фима ухватился за столб барачный, и ни в какую! Но они его от столба отодрали и поволокли к двери.

И избили Фиму в кровь и душу. И топтали ногами. Но не стал Фима мыть пол на той псарне. И отняли у Фимы полжизни, и выбросили на снег около вахты неаккредитованного представителя Израиля...

И случилось чудо... Узнав, что я бывший архитектор, новый начальник лагеря попросил сделать для него небольшую работу – спроектировать небольшой домик для его семьи. А я не могу держать карандаш, пальцы не сгибаются. Но всё в итоге получилось. Итак, я – архитектор Жизнь пошла совсем другая. За мной следит только один «вертухай» – цыган по имени Боря...

С нами сидел ещё человек, с большой буквы человек – идишеский писатель Натан Збара. Осуждённый за «сионизм», он ходил на тяжёлые земляные работы – десять часов в сутки, иногда на лютом, пятидесятиградусном морозе, в руках кайло и лопата. И вот, однажды появилась возможность устроить Натана в «тепляк», на стройке. Натан отказался принять это предложение. Я долго не мог закрыть рот, стоя перед ним. А он сказал мне: «Я у них ничего не прошу. Я не играю в их игры. Я не раб. И они не заставят меня стать рабом».

Он как лучом прожектора высветил проблему. Рабами были мы, но не он. Мы искали, устраивались, метали икру, мы приняли эти рабские законы жизни. Мы жили по их законам. Наше поведение, если хочешь, было постсионистским. А Натан был сионистом... Он не мог нарушить канон, принятые им нормы поведения. Мы же руководствовались инстинктом выживания...

Однажды Натан Збара подобрал на полу барака скомканный клочок газеты. И прочёл помещённый именно на этом клочке сообщение, что в Израиле, в Хайфском порту прошла забастовка портовых рабочих. Радости Натана не было предела. Он прыгал на нарах и кричал: «Вы подумайте: своя полиция бьёт своих рабочих! Да будут они благословенны! У нас есть страна! Есть порт Хайфа! Есть полиция! Есть рабочие! Есть народ на своей земле!»

Однажды меня вызвал лагерный начальник и сказал: «Давайте договоримся. Мы – вам, а вы – нам. Мы же знаем, кто ваш отец. А вы просто поскользнулись... И срок сократить можно...» А я к этому времени уже отъелся, стал жирным и наглым, и ответил ему: «Видите мой номер? Вот, на шапке и на колене - И2144. Так вот – это номер моего комсомольского билета».

Разговор был окончен. И нехорошо посмотрел на меня кум...

Пришла весна 1953 года. Очень заболел товарищ Сталин. И мы каждый день слышали о его дыхании Чейн-Стокса. И один еврей из Баку, Сандлер, объяснил нам, что это предсмертное дыхание, и что эти ребята – Чейн и Стокс – очень толковые и никогда не ошибаются.

И когда Сталин сдох, нас собрали – холод был собачий – и начальник лагеря читает: «... светоч мира, вождь человечества» и всё такое прочее. Кончил читать и проревел: «Шапки долой!!» И тогда один, по прозвищу «чума», сорвал с себя шапку и швырнул её вверх, да ещё с криком. И поверишь, весь лагерь разом швырнул свои шапки вверх. Две тысячи шапок! Я слышал, что такое произошло во многих лагерях...

Но пришёл очередной этап. Меня вызвали. «Ты в списке этапа на Валькумей». Валькумей – рудник по добыче олова. Шахты в триста метров глубиной. Три месяца работы – и силикоз. Тебя списывают. Это – конец. Лагерный начальник отомстил...

И я решил на этап не идти. Надо было что-то придумать, «завосмерить», как говорили у нас...

Когда пришёл день этапа, я сел в коридор, в угол, и ребята забросали меня бушлатами – гора бушлатов, привычная глазу гора. Прибегают солдаты с охраны и орут: «Свечинский, на этап!»

Искали меня в уборной, в бараке, во дворе... и не нашли. Надоело солдатам меня искать. Подумаешь, не хватает только одного... И они укатили.

Мне это грозило 25-ью дополнительными годами лагерей. Но пронесло. Что-то случилось в лагере, и про меня забыли... Мало того, около лагеря началась стройка домов, и меня через некоторое время взяли техником на стройку. Мне повезло – никто из лагерного начальства не умел читать чертежи...

И напоследок послушай, какую я тебе расскажу новеллу о лагерной жизни...

У нас в лагере сидел бандеровец Омелько, он имел 25 лет. И он с ещё несколькими узниками бежали из лагеря и двинулись в сторону Берингова пролива. Представляешь, они уже дошли до острова Крузенштерна. А оттуда – рукой подать до Америки. Но их засекли пограничники и начали погоню. Была пурга, и всё закрылось снежным молоком. Беглецы уже шли по замёрзшему проливу. Сколько там оставалось до свободы... И вдруг пурга окончилась. Мгновенно. И снег, что наполнял воздух, осел. И беглецы чёткими чёрными точками высветились в окружающей белизне... Их догнали на аэросанях. Но Омелько остался жив – часть беглецов была расстреляна, часть – оставлена в живых для следствия. Всех нельзя расстрелять – надо завести дело, папку... И к Омелько приехала жена с Украины. Как она добралась до лагеря, совершенно непонятно, потому что тогда просто так приехать на Колыму было невозможно – надо было или иметь прописку, или быть договорником, или получить спецпропуск МВД – Колыма не была советской, она была страной МВД. Но она приехала! Можно только представить себе, что ей пришлось преодолеть! Последние 15 километров она шла пешком. И когда она пришла к воротам лагеря, на вахту, то, конечно, никакого свидания ей не дали. Начальство было категорично – отогнать её от зоны, и всё! Но в зоне не было глухого забора – три ряда колючей проволоки: высокая, в три метра стена колючей проволоки с вышками, прожекторами и так далее. Ширина этого проволочного забора составляла около семи метров. А в лагере тем временем разнёсся слух, что к Омелько приехала жена. И он услышал это, и прибежал, и увидел её... И так они стояли с двух сторон, на расстоянии семи метров друг от друга, а её гнали... И стояли мужики, и плакали. И Омелько стоял, как статуя, как застывший стон... Это было поразительно. И это было единственным «свиданием», которое мне довелось видеть в лагере...

И через три года после смерти Сталина нашей троице пришло освобождение...

Мы с Ромкой залили паспорта чернилами, я объявил себя Виталием, а не Вилей, и нам выдали чистые паспорта.

Разговоров об отъезде почти не было. Это же был 1957 год... Как? Куда?

Но Ромка был одержим бежать из СССР и нашёл «польский» вариант – женился на польской еврейке. И женился по любви!

Я провожал его – счастливого, плачущего, кричавшего мне из тамбура медленно начавшего движение вагона:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ!

Но в Израиле у Ромки жизнь не сложилась, и он уехал в США. Окончил исторический факультет Колумбийского университета и написал книгу: «Секретная папка товарища Сталина». Я читал её и думал: «Как возможно, что Сталин, такая психически больная сволочь, могла тридцать лет править этой несчастной страной?»

Я окончил Институт... Начал работать... Лагерь консервирует людей по ментальности. И мне не жилось в Москве. Плохо я себя чувствовал в Москве. Не было у меня контактов с людьми. Всё было чужим для меня, ненастоящим...

И однажды я увидел объявление, что есть вакантные места для строителей и архитекторов в фирме Дальстройпроект в Магадане! Не раздумывая, я записался! Еду из местного аэропорта в Магадан. На одной из центральных улиц города вижу девушку в яркой оранжевой накидке.

– Девушка, где здесь Дальстройпроект?

Я получил ответ и, одновременно, жену...

В Дальстрое я быстро продвинулся, стал главным архитекторов проекта. Метался по всем лагерям Магаданской области. Как меня встречали мои лагерные друзья! Родные рожи – те, кто освободившись, остались там жить.

Как я жил! Летом ходили в места расположений рыбацких артелей. Жрали икру ложками! А весной – ягоды, цветы... Мы жили на природе. Боже, сколько я там рисовал!

Хорошо мы жили. И сын у нас родился – Боря...

Но однажды мне приснился сон...

Я этот сон и сегодня помню в мельчайших подробностях. Я думаю, что это в действительности был не сон, но я **это** видел ночью, когда спал, так как ещё можно его назвать? Я видел всё окружающее меня в этом сне не просто, а как окружающую меня действительность, и действительность настолько очевидную, что даже мельчайшие детали не укрылись от моего взгляда. Например, камешки на дороге. Мало того, солнце было в зените, и я видел тени от этих камешков, тени, очень характерные для южной страны – с холодным отливом, как будто в них отражается небо... Я видел это, как акварелист...

И было... Стою я в некоей местности, которую даже во сне определил, как библейскую. То там, то здесь – кустики. И намечается передо мной даже не дорога, а какой-то нахоженный ещё в древности путь. И я стою на этом пути, и он меня призывает двигаться по нему, причём путь ведёт вверх, а этим верхом, далеко впереди, служит вершина пологого холма.

И входит в моё сердце страх. Нет, пожалуй, не страх, а благоговение – смешанное чувство страха и поклонения. И я, несмотря на страх, двигаюсь по этому пути, ибо меня толкает какая-то сила... И я вижу – появляется вершина купола какого-то, ещё невидимого сооружения. И вот я иду, и вижу, что купол открылся весь – древний, слепленный руками из глины, и такое ощущение, что стоит он здесь уже тысячелетия... Иду дальше вверх, и постепенно передо мной раскрывается собор: суровые, несколько наклонённые кверху стены и огромный, приглашающий арочный проём в центре собора. Внутри центрального проёма – темнота. Я чувствую, что это здание всасывает меня, зовёт. Для этого я здесь, и я иду к нему. И страшно мне, и любопытно, и почти неведомое мне ранее чувство благоговения. Подхожу ближе, ещё ближе и, наконец, вхожу через своды арки внутрь. И, естественно, после яркого солнца чувствую себя в темноте. Я плохо различаю, где нахожусь, но мне хватает терпения, и я вижу, что постепенно всё вокруг проясняется. Вижу, что есть свет и льётся он сверху. Смотрю вверх – из проёма в куполе струится свет, освещает в середине храма какое-то место, и я боюсь смотреть на это освещённое место. Я смотрю только вверх, боюсь опустить глаза. Мне страшно, и я двигаюсь вдоль стены, прижимаясь к ней, и не хочу, не хочу даже взглянуть на освещённое место. И вдруг чувствую, что какая-то сила разворачивает мои плечи к центру, явно с целью заставить меня взглянуть на это место... И у меня ломит шею, меня разворачивает... И вдруг я приподнимаюсь сантиметров на десять от земли, и меня ведёт какая-то сила вдоль стены, ведёт с такой же скоростью, как я ходил, но ведёт! И кто-то всё сильнее разворачивает мне плечи, и я уже не могу сопротивляться, и я перестаю сопротивляться и обращаю свой взгляд на световой круг в центре, и тотчас становлюсь на землю...

Страх прошёл. На сердце стало легко. Вот и всё, что я увидел, что дано мне было увидеть. Я направился обратно в арку, на выход, выхожу на тот же путь уже умиротворённым...

И всё. Сон пропал. Проснулся. Понимаю, что такого сна в моей жизни ещё не было. Но сон есть сон, что ещё?

И я рассказал о моём сне моему лагерному другу Вите Красину (*известный, российский диссидент*).

– Ты, – сказал мне Витя, – мудака! Это же судьбоносный сон! Это твой сон! Ты воротишь рожу от своего главного дела! Это же сон о твоём народе, а ты воротишь от него свою рожу! Это простой, элементарный сон! Он – как десять заповедей! И не жди! Это – твоё!

И через день иду я по магаданскому парку. Там была когда-то огромная статуя Сталина, которую снесли, и на этом месте стоял здоровенный газетный стенд. Смотрю, около него собралась толпа. Подхожу. Слышу отдельные слова: «Израиль... агрессор... так им и надо...» Я знал, что началась Шестидневная война. Подхожу, читаю газетные сообщения, и вдруг что-то во мне дрогнуло: «Боже мой, что я делаю? Виля, чем ты занят? Делаешь проекты, ходишь в походы, делаешь на пленэре этюды, организуешь художественные выставки и прочее хуё-моё... Виля, но жизнь-то не изменилась! Твой народ бьётся, может быть, истекает кровью, над ним смеются, его ненавидят, а ты живёшь среди этих ненавистников и делаешь вид, что тебя это не касается, что всё хорошо...»

У меня здорово испортилось настроение. А потом, когда Шестидневная война завершилась, как и должна была завершиться – разгромной еврейской победой – эта фантастическая победа ещё более укрепила меня в мысли, что я постыдно стою в стороне. «Виля, ты должен что-то делать для Израиля! Та война кончилась, твоя – начинается...»

...И мы с Лизой и сыном вернулись в Москву.

И однажды, весной 1968 года, мы с Фимой Спиваковским пошли в московский ОВИР. Входим – пусто, только сидят каких-то два типа, заполняют анкеты на выезд то ли в Болгарию, то ли в Румынию. Подошла наша очередь. Вхожу.

– Ваши документы! – говорит мне инспектор по фамилии Акулова, между прочим, капитан МВД.

– Нет у меня документов, – отвечаю.

– Так что же вы хотите?

– Пришёл проконсультироваться.

– И что вы хотите узнать?

– Скажите, я могу подать просьбу на выезд в Израиль?

– Можете... – сказала Акулова и напряглась.

...И я потерял дар речи... На самом деле, я дважды терял дар речи в кабинете у Акуловой – в этот раз и через четыре года, когда она вызвала меня и сказала: «Виталий Лазаревич, вот вам выездная виза, и я вам очень – подчёркиваю – очень рекомендую покинуть Советский Союз за пять отведённых вам для этого дней».

Когда я вновь обрёл дар речи, спросил:

– А что для этого надо?

– Прежде всего – вызов из Израиля.

– От прямых родственников?

– Не обязательно. Можно и от соседа, и от просто знакомого.

Так она ответила! И ведь знала, что я и кто я! И я обомлел.

– А сейчас мне надо подать какое-нибудь заявление?

– Сначала получите вызов. Когда получите вызов, мы объясним вам все дальнейшие ваши действия. Это сложная процедура. Вы должны быть освобождены от всех долгов по работе, квартире и так далее. Это длинный и сложный процесс.

– Скажите, а когда случилось такое, что можно получить вызов не от прямых родственников? Раньше ведь такого не было.

– Три недели тому назад...

Я выбегаю из кабинета, выбив дверь своим задом, так как в процессе бегства непрерывно кланялся дорогому товарищу Акуловой, хватаю Фимку – он маленький, ни хрена не весит, – выбегаю с ним, и прямо на крыльце ОВИРа мы начинаем дико выплясывать. Милиционер даже отошёл на пару шагов – подальше от этих сумасшедших. Я так подробно и в красках рассказываю об этом посещении ОВИРа, потому что каждое слово этой Акуловой тогда было внове для нас, мы же ничего не знали!

– Фимка! – кричал я ему, – мы можем ехать! Нам не хватает только вызова! Я попрошу Голду Меир выслать мне вызов! Она моя хорошая знакомая!

В это время я уже был знаком с Давидом Хавкиным. Позже познакомился с Давидом Драбкиным, Виктором Польским, Володей Слепаком, Тинной Бродецкой, Володей

Престиным, Пашей Абрамовичем и многими, многими другими... Хавкин был нашим Моисеем...

Мы сравнительно быстро получили вызовы, подали документы. И так, мы высветились. Мы – сионисты! И отец подписал все необходимые документы. В конце концов, и он подал документы на выезд в Израиль...

Осенью 1968 года нам всем одновременно позвонили и сообщили, что нам отказано в выезде в Израиль по причине нецелесообразности.

И началось... Три года вихря... Я сегодня с некоторым страхом и удивлением думаю – действительно ли я был способен на такие три года? Способен был делать такие вещи? Я был, как зверь...

И я сказал: «Ребята, ждать разрешения – бессмысленно. Надо бороться. Надо заявить о себе. Надо писать. Надо пробиться на западное радио».

И за мной пошли люди. Пошли!

Мы тотчас написали письмо-обращение к еврейской общественности всего мира и решили переправить его в Израиль с получившим разрешение Хавкиным. Письмо было написано по поводу очередной гнусной антиизраильской статейки в «Известиях». Письмо наше было короткое. С моей точки зрения – плохое письмо. Там были фразы, вроде «... мы не знаем, с какой целью советская власть удерживает нас...» и всё такое прочее – сплошные намёки. Плохое письмо. Но хоть оно и было плохим, оно было письмом политическим, и в Израиле его не приняли. А вывез это письмо Хавкин в трубке кинескопа! Только Хавкин мог это сделать...

Убедившись, что в Израиле это письмо не принимают, Хавкин послал его в Америку, и оно тут же было опубликовано. Мой Ромка, работавший в это время на радиостанции «Свобода», получил наше письмо с утренней почтой, видит там мою подпись и чуть не падает со стула... «Я, – рассказывал мне потом Ромка, – испугался, задрожал, побежал туда, сюда, не знал, что делать. Мне страшно было зачитывать его! Я снова почувствовал запах лагеря...»

Потом было «письмо двадцати пяти», адресованное генсеку ООН У Тану. Потом Петя Якир (*известный диссидент*) познакомил меня с несколькими корреспондентами иностранных газет и издательств. И скоро по-настоящему грохнуло «Письмо шести». Поводом для него стала статья двух дрессированных жидков Бернштейна и Фриделя под названием «Под чью дудку пляшут сионисты». Как эти «жидки» умилялись! Аж плакали от восторга! Они, оказывается, уже не только советские, но почти уже русские люди, и их Родина – СССР!

И мы им выдали! Именно наше письмо подарило миру знаменитый лозунг «Отпусти народ мой!»

Вот несколько выдержек из этого письма.

«Итак, вы, Л. Беренштейн и М. Фридель, издевательски пишете, что парламент Израиля принял резолюцию, в которой потребовал «уважать бесспорное право каждого еврея жить на земле своей исторической матери-родины, то бишь, Израиля».

Уместно спросить: известна ли вам другая историческая родина евреев, которая была бы не «то бишь»?

Вы, выступающие от имени «еврейского населения нашей страны», вы сумеете прочесть П. Маркиша, С. Галкина, Л. Квитко, И. Фефера, Д. Бергельсона на своем, еврейском языке? Гордитесь ли вы духовным наследием вашего народа – хотя бы Библией, хотя бы в её литературно-историческом аспекте? Известно ли вам, вашим детям и вашим внукам о героических народных восстаниях Маккавеев, Бар-Кохбы против иноземных владычеств? Что говорят вам такие имена, как Иегуда Галеви, Маймонид, Моисей Мендельсон, Х. Н. Бялик, С. Фруг? Или это не ваша история и не ваше духовное наследие?

По какому праву вы, скорбный продукт ассимиляции, выступаете от имени «еврейского населения»?

И вам, Л. Беренштейн и М. Фридель, как и каждому, «кому ведомы законы общественного развития», должно быть известно, что колесо истории не только не повернуть вспять, но и не приостановить. И сегодня, когда Еврейское Государство возрождено и существует уже 22 года, то «стремление к единству, к жизни на земле предков» естественно и неоспоримо.

И перед лицом великой державы, предоставившей убежище многим поколениям евреев, мы повторяем слова наших далеких предков, требовавших права Исхода из Египта: "ОТПУСТИ НАРОД МОЙ!"

Это письмо передали по всем «вражеским» радиостанциям. Это была бомба!

В ответ на это письмо власти поспешили устроить пресс-конференцию знаменитых «дрессированных» евреев. И четвёртого марта 1970 года она состоялась. В ней участвовали Аркадий Райкин, Элина Быстрицкая, генерал Давид Драгунский и тогдашний министр Вениамин Дымшиц. Мы смотрели на это «вонючее» представление по телевизору. Райкин двигался и говорил, как после перенесённого инсульта, Быстрицкая продолжала играть Аксинью из Фильма «Тихий Дон» и всем своим видом давала понять, что она даже не понимает, что это за слово «Израиль». Дымшиц деловито бубнил о достижениях. Но усердствовал по-настоящему генерал Драгунский – казалось, он на танке готов переехать всех сионистов.

И по этому представлению грохнуло – я не боюсь этого слова «грохнуло» – наше знаменитое «Письмо тридцати девяти», письмо, не побоюсь сказать, из нашей еврейской истории. Вот небольшая часть этого письма:

...Существенной задачей пресс-конференции была демонстрация того, что участники ее достигли видного положения в обществе, несмотря на свое еврейское происхождение, но это все, что они смогли доказать, ибо их еврейское происхождение еще не означает, что они сохранили духовную связь с еврейской национальной культурой. Несомненно, каждый еврей имеет право на любую степень ассимиляции; мы, однако, не хотим утратить свою национальную самобытность и духовную связь с народом.

Мы горды за свой народ, через тысячелетия страданий пронесший свою религию, язык, культуру, черты национального характера, и горды, что ныне этот народ нашел в себе волю возродить Государство Израиль и отстаивать его.

Мы вправе оставаться евреями и воспитывать своих детей в духе еврейской культуры.

Мы будем отстаивать свое право распоряжаться своей судьбой, включая выбор гражданства и страны пребывания.

Мы верим, что и ныне НЕ отречением ответят евреи на антиизраильскую кампанию, а, напротив, укрепятся в гордости за свой народ и провозгласят: «В будущем году в Иерусалиме!»

Москва, 8 марта 1970 г.

И тридцать девять подписей!.. И уже на утро следующего дня по «Голосу Америки» передали полный текст этого письма.

Письмо наделало много шума. Стали вызывать людей. Мы немедленно устроили семинар, и я рассказал собравшимся, как вести себя на допросах. Как нужно отвечать. Как не бояться их блефа и угроз...

И пошли на Запад письма лавиной... И поездки по городам... И семинары... И первые кружки по изучению иврита...

И в этот момент случилось «самолётное» дело...

Мы, именно мы назвали это дело «самолётным». Первыми назвали.

Начались повальные обыски. Едва евреи начали вставать с колен, подниматься, смотреть в небо, подписывать письма, связываться с иностранцами – и в это время сотворить такое! Это же уголовное дело! Это ощущалось мною, как измена. Как сказал Хавкин уже в Израиле, это был «нож в спину»! Но потом, когда Кузнецову и Дымшицу дали «вышку», тогда-то всё и началось! Мир всколыхнулся – за что расстрел? За угон? Не было по факту угона! За попытку? Но даже этого не было! Было только намерение, был замысел. И за это расстрел?! Вот, когда всё и началось! Вот тогда «самолётчики» и вложили в наше движение свой крепкий кирпич.

Потом в Москве меня вызывали на очередной допрос. У меня был интересный разговор со следователем. Он спросил:

– В такое-то время вы собирались в подмосковном лесу, и у вас состоялся обмен деньгами и антисоветской литературой. Вы подтверждаете это?

– Знаете, что, – сказал я ему, – давайте запишем так: мы собирались вчера, и соберёмся сегодня, и соберёмся завтра, и будем собираться до тех пор, пока вы нас всех не пересаждаете. Но вы должны знать, что мы собираемся только по одной причине – у

нас есть общий интерес покинуть эту страну и уехать в Израиль, потому что мы считаем себя гражданами Израиля, детьми еврейского народа. Всё!

Ой, он обрадовался! Он записал слово в слово всё, что я сказал, и я немедленно с удовольствием подписал протокол. После подписания он обратился ко мне:

– Виталий Лазаревич, у меня к вам личный вопрос. Если не хотите отвечать, не надо. Объясните мне, как это вы, человек русской культуры, причём русской художественной культуры – вы же окончили Архитектурный институт, бывшее Строгановское училище, вы же аристократия! – как вы вдруг встаёте и собираетесь ехать неизвестно куда, на Ближний Восток, на так называемую «историческую Родину»? Как это происходит? Что здесь срabатывает?

– Это очень трудный вопрос. Глубокий вопрос. Я думаю, что еврейский народ запрограммирован. Желание уехать в Израиль – это внутри нас, это сидит с рождения, этому две тысячи лет... И антисемитизм превращает эту нашу запрограммированность в неудержимое желание действовать. Для меня, во всяком случае, его было достаточно...

Он сказал мне «спасибо», распрощался со мной почти нежно, и когда я уже взялся за ручку двери, услышал:

– Виталий Лазаревич, вы все уедете...

После этих событий дела мои пошли с большой скоростью. И 13 января 1971 года я увидел в дырках моего почтового ящика жёлтую открытку...

...Ну, вот... Поднялись мы наверх по лестнице аэропорта «Шереметьево» – я, Лиза с грудным ребёнком Геулой, сын Боря – и вижу перед собой целую бригаду особистов, готовых к обыску, «шмону». Тогда я подошёл к старшему по званию офицеру и сказал: «Я ничего с собой не везу. То, что я должен был передать в Израиль и на Запад, я уже передал, и с собой у меня ничего нет, кроме жены и детей. Я могу письменно засвидетельствовать об этом. Всё, что я везу – это значок, подаренный мне моим старым лагерным другом. Вот он...»

Его сделал для меня мой лагерный дружок Жора. Металлический значок, который можно было прикрепить к лацкану пиджака. На нём были изображены земля, кусочек неба, колючая проволока, и к ней как бы привешены наши заплатки с лагерными номерами, которые мы носили на шапке, на штанах.

Офицер долго рассматривал значок и заявил, что пропустить его не может... Но никакого обыска не было. Даже не распеленали ребёнка.

Прилетели... Меня сразу же отправили в Брюссель на Первый международный конгресс в защиту советских евреев. Потом – в Париж. Потом – в США, где меня принял тогдашний вице-президент Спиро Агню...

Потом четыре года я проработал у знаменитого израильского архитектора Мансфельда. Платил он мало... Чувствовал я себя усталым, апатичным...

Я понимал, что надо открывать своё архитектурное бюро. Взяли «машканту». Начали работать с напарником. Неожиданно получили приглашение участвовать в конкурсе на проект здания культурного центра Фани Каплан. Но это не та Фани... Эта Фани Каплан – рабанит, жена главного раввина Франции. Это были на сто процентов французские деньги, и заказчики хотели, чтобы именно израильские архитекторы участвовали в конкурсе. Вместе с нами в этом конкурсе участвовали шесть архитектурных бюро. Проект мы делали с огромным воодушевлением.

Но потом поняли, что вокруг конкурса начинается какая-то возня, у меня даже возникло предчувствие, что всё уже заранее запродано, но однажды вечером нам позвонили и сообщили, что заказчики потребовали, чтобы все проекты были доставлены в Париж. И проекты, и макеты – а мы делали и макеты будущего здания – всё было затребовано в Париж. А через неделю, помню, ночью позвонили из Парижа и сообщили, что нам единогласно присуждена первая премия. У нас был большой праздник... Мой напарник пить не мог, зато я мог... Ну, и всё... Мы сделали рабочие чертежи, и этот центр довольно быстро построили – двухэтажное общественное здание с залом. Это принесло деньги, мы «вошли в картину».

А в 1974 году ко мне приехала мама. Как только папа умер, не дождавись разрешения, она приехала. Да...

В 1978 году Сохнут объявил об иудизации Галилеи – она же тогда была вся арабская. Земли пропадали. Пустующие земли – это чужие земли. Так всегда было. Сохнут наметил шесть поселений. Таль-Эль – одно из первых. Сохнут провёл дорогу,

воду, поставил электродвигатель. Ещё находясь в Хайфе, я сделал генеральный план Таль-Эля и... перебрался сюда.

Нас было семнадцать семей. Нам сначала дали сохнутовские домики – очень приличные домики: три спальни, кухонька, туалет, душевая, соразмерный салон, даже пинат охель... Ну, мы подумали, что вряд ли я сподоблюсь занять свой дом в Хайфе... Да какой там дом – даже палисадник... А здесь была реальная возможность занять свою землю – её Сохнут давал бесплатно – и построить свой дом. Причём это не край земли, а между Кармиэлем, Акко и Нагарией, и до Хайфы всего минут сорок езды.

Приехали мы на совершенно лысое место, а теперь – смотри... У меня здесь своё архитектурное бюро, есть парень из Ленинграда – у нас совместное дело.

Виля Свечинский во время интервью

Я – правый, всегда голосовал за Ликуд... Никогда за русскую партию ИБА. Только отсутствием слуха можно объяснить присвоение себе этого имени после выхода в свет книги Зиновьева «Зияющие высоты» (здесь надо пояснить, что в этом знаменитом романе-памфлете Александра Зиновьева местом действия является город Ибанск, и жители его, естественно – ибанцы). И если не «ибанцами», то как ещё можно назвать представителей партии ИБА? Официальный лозунг ибанцев: «Голосуй за своих!» – это демонстративный отказ от сионизма, созданного Жаботинским и Трумпельдором. Воистину, дело, начатое гигантами, завершается карликами.

Укоренённость – вот высшая гражданская доблесть в Израиле.

После продолжительного молчания:

... Евреям, вышедшим из печей, сразу дали оружие. У них не спрашивали фамилий. И они пошли в бой, и умирали, и погибали, и победили, и освободились от арабов. Но не до конца... Сейчас уже век другой, и мы опоздали. Сильно опоздали. На самом деле, именно тогда надо поставить все точки над **i**, сделать чёткие границы государства, гимн, флаг, герб – святое дело! Главное – это честь государства, то, что евреи никак не могут понять. Евреи не государственный народ. Надо становиться им, понять, что это такое. Ведь как создавались европейские государства? Они же отстаивали себя, зубами держались за свою землю, столетиями дрались за неё! Еврейская государственность должна брать пример с европейской государственности. И во многом берёт – парламент, министерства, суды, полиция. Это же всё от Европы. Мы же не берём в качестве примера государственность Саудовской Аравии, или Китая, или, на дай Бог, Советского Союза. Мы себя причисляем к европейской цивилизации. Так надо идти до конца. Брать пример и в историческом контексте! Мы должны знать и отстаивать своё место! Своё место мы должны знать!

С некоторых пор я стал задумываться – кто мы такие, что такое Израиль, что такое жизнь, и, главное, что это такое – родиться евреем? Что это значит? Я должен принадлежать этому народу или я человек свободный, гражданин мира? Кому принадлежат американские евреи? Боже мой, почему евреи Америки помогают Израилю?

Почему держатся, как община? На каком основании? Ребята, прошло две тысячи лет! Какая община? О чём речь? Что вы держитесь за это? Ходите в синагоги, собираетесь по праздникам, не едите в Йом-Кипур, едите мацу в Песах, надеваете кипу, даже неверующие... И учите детей своих этим традициям. В чём дело? Еврейство сохраняет себя, оно живо. Живо после такой страшной войны, после всего, что ему вообще пришлось пережить! Почему так?! И я понял, что это не физиологическое явление – это уникальное духовное явление!

Вот несколько цитат из статьи Вили Свечинского «Возвращение в историю».

«В этот мир вошло СЛОВО, и это СЛОВО будет покорять этот мир. «...и будут шествовать народы в свете твоём и цари в лучезарном твоём сиянии» (Исайя).

Эта Роль еврейского народа в мировой истории, как эхо звучит в прозрениях людей неглупых, а главное, чутких к мировым свершениям:

Владимир Соловьёв:

«Проходя через всю историю человечества с самого её начала и до наших дней – чего нельзя сказать ни об одной другой нации – еврейство представляет собой как бы ось всемирной истории».

Уинстон Черчилль:

«... ни один человек, наделённый способностью мыслить, не может отрицать, что евреи без всяких оговорок представляют собой самый замечательный народ из всех, известных до нашего времени. Мы обязаны им христианским откровением и системой морали, которая будучи полностью отделённой от чуда, остаётся самым драгоценным сокровищем человечества, которое само по себе стоит дороже, чем все знания и все учения».

...Мы не знаем Смысла истории, достаточно того, что мы знаем, что этот Смысл есть.

Надо быть слепым и глухим, чтобы не видеть и не слышать Бетховенских раскатов Судьбы в этой череде событий – на нашем поколении, на наших лбах оттиснута печать Провидения. Мы свидетели восстановления Государства после двух тысяч лет. **Мы вернулись, вернее, нас вернули в Историю.**

И мы продолжаем ткать нашу историческую ткань на станке вечности.

Неужели мы и сейчас не сможем понять – что же произошло с нами?

...И несколько слов о «русской» алии (мы уже привыкли, что евреи, как овчарки, бывают: «немецкие», «шотландские», «среднерусские», «кавказские» и так далее).

Мне представляется, что российская алия проявит себя в Израиле на уровне Судьбоносном для страны.

Из рабства, из полной, доминантной власти над душами и телами подданных, полицейской держимордости, культа солдатчины, устойчивой культуры нищеты, недостатка, приверженности к власти и одновременно полной гражданской и политической инфантильности, как детской безответственности, может вырасти исступлённая, чистая дружба, привязанность между людьми, как спасение, как свет в окошке.

Человек всегда запоминает жизненные ситуации положительные и плохо помнит и не любит отрицательные эмоции. Я, к примеру, из лагерной жизни помню все радостные, обещающие, примиряющие меня с этим миром ситуации и плохо, смутно помню ситуации смертельные или ведущие к смерти.

Душа народа запоминает всё светлое, связанное с Россией, – и «святую русскую литературу», и соборный образ милого, застенчивого русского человека. Поэтому останутся в памяти Пушкин и Толстой, Тютчев, и Лермонтов, и весь словесный, поэтический строй языка. И западут таинственным образом в нашу память души мыслителей славянского разлива – и Владимир Соловьёв, и Павел Флоренский, и Николай Бердяев, и Лев Шестов, и светлый Сергей Аверинцев и «русский Ницше» Константин Леонтьев.

Примером мне служит мой учитель Владимир Жаботинский – первоклассный русский писатель и мыслитель. Его голос иногда гремел гневом и открытой ненавистью. От него не могли укрыться ни погромная чернь от биндюжников до думских витий, ни антисемитский душок великой русской литературы, ни еврей-литератор, разорвавший связи со своим народом. И в тоже время в его голосе ощущалась глубокая любовь к своему страдающему племени – и все эти мотивы, лежащие в основе всей еврейской пророческой традиции, высекали искры.

И ещё об одном... Я спрашиваю себя: неужели после откровений в Синае; после беспощадной, кровавой борьбы за жизненное и духовное пространство в Ханаане; после эпох судей и Великих Царей; после сооружения и освящения Храма и гибели его, и плена, и рождённого этим пленом Сионизма Эзры и Нехемии, и восстановления Храма, и после отчаянной борьбы Маккавеев и невысказанной их победы над греками, после яростной работы духа монахов-есеев в Иудейской пустыне на берегу Мёртвого моря, после падения Храма от руки Рима, после двухтысячелетнего изгнания, после не поддающегося разумению создания невиданного оружия, средства защиты и сохранения нации – **ТАЛМУДА**, чтобы выжить, не жить, но выжить в этом страшном испытании, неужели вся эта невысказанная история произошла с нами для того, чтобы вернуть нас на святую землю в виде остервенелых праведников в чёрных одеждах и мехах эпохи польской шляхты на тонких, рахитичных белых гетрах, заполняющих от стены до стены улицы и площади Иерусалима?

Страшно видеть эту толпу сверху. Антиэстетичность зрелища указывает на её обречённость...

Я вижу, как «духовный генетический код» «русской» алии и её поколений поможет Стране осознать её Место и Роль в создании европейской Цивилизации и войти в эту Цивилизацию на правах Члена-Учредителя её...

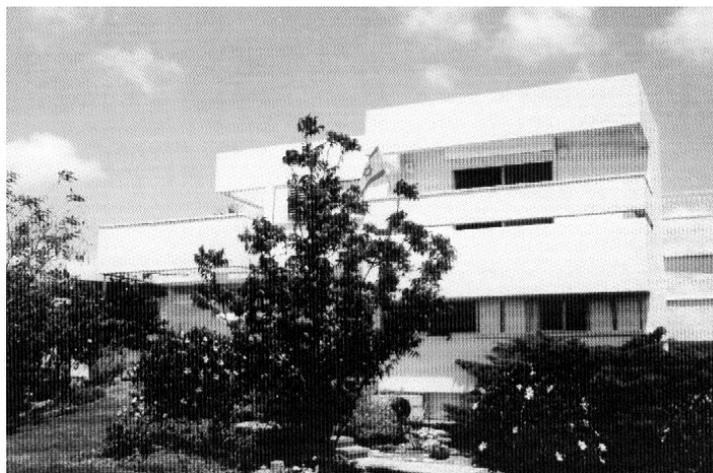
Виля Свечинский, и Тина Бродецкая. 2005 год

Синагога в Хайфе. Автор проекта – В. Свечинский

Муниципалитет в Нацрат-Илите. Автор проекта – В. Свечинский

Один из ста двадцати домов, построенных В. Свечинским в Таль-Эль

И в заключение, горькая цитата из статьи Вили Свечинского «Возвращение в историю»:

«Сионизм вернул меня в историю.

Я собираю своё имущество, разбросанное в столетиях по городам и весям.

Всё моё я собираю: и патриархов своих и пророков своих, Иова и Моше Рабёйну я забираю. И Каббалу, и Талмуд, и Иоханана бен Заккая, и ессев, и первых христиан из Римского цирка я забираю.

Я чувствую краску на лице от стыда, что мои свитки Мёртвого моря и моё Кумранское жилище открыли для меня сэра Джеральд Ланкастер Хардинг, и патер Ролан де Во, которым я бесконечно благодарен за возврат моего имущества.

Мы – щедрый народ, мы умеем отдавать, мы умеем терять. И мы скромны, не чванливы. Мы с благодарностью в аккуратно залатанных сюртуках принимаем раболепно план нашего будущего из рук наших знатных, вельможных учеников.

Но я не думаю, что наше лицемерие выдержит испытание перед торжественным актом передачи наших священных камней и могил в Хевроне, в Иудее и Самарии в руки пришедших на благо государства Фалыстын, в самом названии которого я слышу дошедшее эхо окриков наших ненавистников об отмене моего земного бытия...»

Вили Свечинского не стало в 2022 году...

